

Н. Агафонов

Казань и казанцы

Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Агафонов**
Казань и казанцы: Выпуск 1 / Н. Агафонов – М.: Книга по Требованию, 2021. –
114 с.

ISBN 978-5-4241-5282-5

ISBN 978-5-4241-5282-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Казанскіе Городскіе Головы.

Отъ начала учрежденія этой должности до нашихъ дней.

(Историческій очеркъ).

Должность городского головы впервые учреждена въ Россіи Императрицею Екатериною II, въ концѣ 1766 года, по специальному случаю, вызванному назначеніемъ извѣстной Екатерининской „Комиссіи для составленія проекта новаго Уложенія“. Въ 1766 году былъ изданъ манифестъ о созывѣ въ Москву депутатовъ отъ присутственныхъ мѣстъ Російской Имперіи, отъ всѣхъ классовъ свободнаго населенія и отъ представителей городовъ¹⁾. Въ обрядѣ выборовъ городскимъ населеніемъ депутата предписывалось „выбрать сначала, между собою, кого хотятъ *городскимъ головою*, который уже и руководитъ выборами депутата. Въ „Учрежденіи о губерніяхъ“ сказано, что городской голова выбирается городскимъ обществомъ чрезъ всякіе три года по балламъ²⁾.

Источниками при составленіи настоящаго очерка служили: а) сохранившіеся отъ пожаровъ дѣла архива казанской городской Думы, за что авторъ обязанъ глубокою благодарностію бывшему городскому головѣ Сергѣю Викторовичу Дьяченко, разрѣшившему доступъ въ этотъ архивъ; б) даты, снятыя съ надгробныхъ надписей на казанскихъ кладбищахъ, и в) старыя рукописи изъ принадлежащаго автору собранія матеріаловъ по Казанской исторіи.

¹⁾ См. Приложение къ „Наказу“, изд. 1776 г., стат. 3.

²⁾ Проф. *Дитятинъ*: „Къ исторіи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ“. 1895 г., стр. 112 и 128.

Глоріоза.

Новелла изъ Казанской жизни.

Дорожки всѣ пусты, ночь тиха и свѣтла.
Въ этомъ домѣ его Глоріоза жила.
Ужь Услонъ ею покинутъ, но домъ,
Какъ и прежде, все на мѣстѣ одною.

I.

Василій Венедиктовичъ Барвеновъ прожилъ въ Верхнемъ-Услонѣ цѣлое лѣто, но съ нею познакомился только подъ конецъ дачнаго сезона.

Она любила сидѣть у окна, то открытаго, то закрытаго, смотря по погодѣ, и смотрѣть на сѣрыя волны рѣки. Всегда серьезная, но симпатичная, строгая, но не сердитая, съ задумчивымъ, какъ будто утомленнымъ взоромъ, меланхолическимъ выраженіемъ блѣдноватыхъ, тонкихъ очертаній красиваго лица.

Она часто гуляла по горамъ: нерѣдко можно было видѣть ее сидящей на краю горной крутизны, среди полыни и ромашки, за чтеніемъ книги. По временамъ открывала она глаза отъ книги и устремляла ихъ въ даль, въ доно широкой, многоводной Волги. Василію Венедиктовичу много разъ приходилось заставать ее въ этомъ положеніи и, проходя мимо, любоваться ею.

І.

Иванъ Бедоровичъ Дрябловъ.

1767, 1768, 1769 гг.

Первымъ городскимъ головою въ Казани былъ содержатель казанской суконной фабрики, мѣстный купецъ и голштинской коммерціи совѣтникъ *Иванъ Бедоровичъ Дрябловъ* ¹⁾. Почему Дряблову присвоенъ титулъ „голштинской коммерціи совѣтника“, какъ именовался онъ въ официальныхъ бумагахъ своего времени ²⁾ и какъ это значитъ на его надгробномъ камнѣ въ Кизическомъ монастырѣ, — намъ неизвѣстно. И. Ѳ. Дрябловъ, родившійся 15 сентября 1728 года, происходилъ изъ посадскихъ людей г. Чебоксаръ, гдѣ фамилія Дрябловыхъ принадлежала многимъ купцамъ и мѣщанамъ. Нѣкоторые изъ представителей этой фамиліи въ первыхъ годахъ XIX столѣтія переселились въ Казань.

Въ „Журналѣ казанскаго городского магистрата“ за 1803 г., листъ 76, записано:

„*Слушали:* прошеніе казанскаго мѣщанина Ивана Дряблова о возвращеніи ему представленной довѣренности, данной отъ казанскихъ мѣщанъ Федора и Дмитрія Дрябловыхъ на предметъ исходатайствованія предоставленнаго во владѣніе его довѣрителей оставшагося послѣ родственника голштинской коммерціи совѣтника Дряблова-жъ состоящаго въ г. Чебоксарахъ дома, отъ тамошней полиціи. *Приказали:* просимую довѣренность возвратить.“

О первомъ казанскомъ городскомъ головѣ приходится дать очень немногія біографическія свѣдѣнія за отсутствіемъ данныхъ. Всѣ бумаги о Дрябловѣ и содержащейся имъ суконной фабриктѣ, перешед-

¹⁾ Проф. С. М. Шмелевскій: „Путешествіе Императрицы Екатерины II по Волгѣ“. См. „Камско-Волжскую Газету“ (изд. Н. Я. Агафонова), 1873 г. №№ 25 и 26.

²⁾ Подъ текстомъ „Наказа жителей г. Казани“ депутату въ Екатерининскую комиссію купцу И. И. Кобелеву, Дрябловъ подписался такъ: „Къ сему наказу выбранный отъ казанскихъ гражданъ голова, голштинской коммерціи совѣтникъ, казанской суконной фабрики содержатель *Иванъ Дрябловъ*“. (См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“. Томъ 107-й, Спб. 1900 г., стр. 509—522).

Она ему очень нравилась. Онъ зналъ, что она была учительницей одного изъ частныхъ учебныхъ заведеній, но знакомъ съ нею не былъ. Она занимала всѣ его мечты и думы. Онъ писалъ нѣжныя стихи и посвящалъ, ей, разумеется, въ тихомолку, храня ихъ въ потаенномъ ящикѣ своего стола.

Она его видѣла ежедневно проходящимъ мимо домика, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, занавѣсками, въ которомъ обитала вдохновившая Василія Венедиктовича дачница; но онъ всегда видѣлъ и чувствовалъ, что дачница эта мало интересовалась тѣмъ, кто проходилъ мимо ея оконъ.

Однако, хотя и поздно, но они познакомились. Вотъ какъ это случилось.

Въ одно ненастное утро, въ концѣ іюля, подъ сильнымъ, но теплымъ дождемъ, Василій Венедиктовичъ сѣлшился на пароходъ, чтобы переправиться въ городъ. Проходя мимо дома предмета своей музы, онъ вдругъ услышалъ позади звукъ отворяющагося окна и голосъ:

— Вы, кажется, въ Казань?

— Да,—отвѣтилъ Барвенковъ, съ охватившимъ его внезапно волненіемъ.

Это спрашивала она.

— Будьте любезны, не откажитесь бросить это письмо въ одинъ изъ почтовыхъ ящиковъ въ городѣ... Простите меня за такое оригинальное и, во всякомъ случаѣ, не совсѣмъ деликатное обращеніе къ вамъ.

Надо-ли говорить, что порученіе было очень лестно и дорого для Василія Венедиктовича, какъ говорилъ онъ послѣ пишущему эти строки. Онъ видѣлъ въ этомъ обращеніи къ нему начало знакомства съ нею.

шей потомъ во владѣніе казанскихъ дворянъ Осокиныхъ, уничтожены покойнымъ П. Г. Осокинымъ незадолго до его смерти († 26 февраля 1898 г.).

Какъ содержатель суконной фабрики, И. Θ. Дрябловъ былъ чловѣкъ далеко не безупречный. Историки обвиняютъ его въ притѣсненіи рабочихъ, въ урѣзаніи имъ платы и причиненіи другихъ угнетеній. Фабричные жаловались начальству, прося оставить имъ ту плату, какую получали они при прежнемъ владѣльцѣ фабрики, купцѣ Михляевѣ, и сенатъ уважилъ ихъ ходатайство ¹⁾. Однако раздраженный Дрябловъ, не обладая ни благоразуміемъ, ни тактомъ, продолжалъ другими способами притѣснять суконщиковъ, забывая, что такими дѣйствіями вредилъ правильному и успѣшному ходу работъ. Съ этого времени начинается рядъ серьезныхъ безпорядковъ среди фабричныхъ рабочихъ, выражавшихся въ формѣ бунтовъ, которые усмирялись всякій разъ уголовнымъ порядкомъ, съ наказаніемъ протестовавшихъ кнутомъ или прогнаніемъ сквозъ строй, и ссылкой въ Сибирь. Молодыхъ, по наказанію, отдавали въ солдаты ²⁾.

Для нашего времени единственнымъ памятникомъ, связаннымъ съ именемъ перваго городского головы, сохранился въ Казани (если не считать полуразрушеннаго зданія суконной фабрики), такъ-называемый „Дрябловскій домъ“, въ которомъ имѣли пребываніе пріѣзжавшіе въ Казань августѣйшіе гости: Петръ I въ 1722 году и Екатерина II въ 1767 году. Что Петръ Великій останавливался въ „Дрябловскомъ домѣ“, принадлежавшемъ прежде родственнику Дряблова купцу И. А. Михляеву,—это утверждаютъ мѣстные историки: М. С. Рыбушкинъ („Исторія Казани“, изд. 2, часть I, стр. 107); Н. К. Баженовъ

¹⁾ См. „Исторію Россіи“ *Соловьева*, изд. 1895 г., кн. V, стр.156.

²⁾ Желаніе познакомиться поближе съ эпохою волнений казанскихъ суконниковъ могутъ обратиться къ очерку *Я. Посадскаго*: „Какъ добились себѣ воли казанскіе суконщики.“ (См. „Первый шагъ“. Казанскій литературный сборникъ. 1876 г., стр. 415-438). Очень интересныя свѣдѣнія о томъ-же можно найти въ трудахъ: проф. *В. И. Семевскаго*: „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“, изд. 1903 г., т. I, стр. 549 и слѣд. и *М. Тугамъ-Барановскаго*: „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“. Изд. 1900 г., т. I, стр.148.

Письмо, адресованное по городской почтѣ одной извѣстной и очень почтенной казанской дамѣ, было опущено Барвеновымъ въ ящикъ у самой почтовой конторы.

Къ вечеру погода прояснилась, а на другой день было прекрасное, теплое, залитое солнцемъ утро. Въ хорошую погоду Барвеновъ любилъ вставать рано и посвящать все утро прогулкѣ по горамъ. Такъ было и въ это утро. Идучи мимо любезнаго ему домика, онъ замѣтилъ, что окна наглухо занавѣшаны, и это не могло удивить Василія Венедиктовича, ибо пора была ранняя. Но то, что увидѣлъ онъ, взобравшись на гору, его крайне изумило. На самой вершинѣ горы сидѣла она. На ея колѣняхъ лежала книга и на книгѣ листъ почтовой бумаги. Повидимому, она и читала и писала въ одно и тоже время.

„Такъ рано!—подумать Барвеновъ—Да она-ли это?... Не было сомнѣнія: это была она, покрытая маленькимъ бѣлымъ платкомъ...“

Только тогда, когда онъ подошелъ къ ней близко и сказалъ: „Здравствуйте!“—она отвѣла лицо отъ книги и, быстро вставъ, отвѣтила на его привѣтствіе.

— Еще разъ извиняюсь, что побеспокоила васъ просьбой съ письмомъ,—проговорила она тихо и ласково.—Васъ не затруднила моя маленькая коммиссія?

—О, нисколько! Я очень, очень былъ радъ услужить,—говорилъ Василій Венедиктовичъ восторженнымъ и не совсѣмъ ровнымъ отъ внутренняго волненія голосомъ.

Она нѣсколько смущенно взглянула на него и пожала ему руку.

Барвеновъ, набравшись храбрости, старался завязать съ нею разговоръ.

Надо, однакоже, сказать, что хотя онъ и обладалъ всегда достаточнымъ запасомъ смѣлости, но въ положеніи, въ какомъ очутился въ эту минуту,—ему прихо-

(„Казанская исторія,“ ч. II, стр. 57); проф. С. М. Шпилевскій: („Указатель исторических достопримѣчательностей г. Казани,“ 1873, стр. 61); М. Н. Пинегинъ („Казань въ ея прошломъ и настоящемъ, 1890, стр. 153), и проф. Н. П. Загоскинъ („Спутникъ по Казани“, 1895, стр. 188). Что же касается пребыванія въ „Дрябловскомъ домѣ“ Императрицы Екатерины II, то фактъ еще болѣе безспоренъ, если принять во вниманіе „Дорожный журналъ“, который велся во время путешествія государыни по Волгѣ въ 1767 году и который напечатанъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ того-же года, въ прибавленіи къ № 58-му; если принять во вниманіе письмо Екатерины къ гр. Панину изъ Казани, напечатанному въ „Сборникѣ русскаго историческаго общества,“ т. X; если, наконецъ, принять во вниманіе показаніе историка Казани адъюнкта-профессора Рыбушкина, начавшаго службу въ Казани въ 1812 году и заставшаго въ ней живыхъ свидѣтелей пріѣзда и встрѣчи Екатерины II.

Въ „Дрябловскомъ домѣ“, сохранившемъ свою первоначальную архитектуру, помѣщается въ наши дни дешевый татарскій трактиръ. Чтобы не было стыдно за такое непростительное пренебреженіе къ исторической достопримѣчательности города, нѣкоторые изъ гласныхъ Думы („Дрябловскій домъ“ принадлежитъ городскому обществу) придумали пустить въ ходъ наивное и ни на чемъ не основанное увѣреніе, что ни Петръ, ни Екатерина не останавливались въ „Дрябловскомъ домѣ.“ Покойный профессоръ Н. Н. Буличъ даже печатно, не безъ негодованія, хотя и голословно, пытался подтвердить это отрицаніе¹⁾. Не смотря на то, что попытки очень слабы, чтобы отвергнуть историческое значеніе „Дрябловскаго дома“, въ немъ продолжаетъ пребывать трактиръ, принося городу ничтожный доходъ. Бывшій городской голова С. В. Дьяченко намѣревался помѣстить въ „Дрябловскомъ домѣ“ городской музей, что было-бы болѣе прилично для историческаго зданія, но намѣренію этому не суждено было осуществиться.

(1) См. газету: „Казанскія Вѣсти“ (изд. Н. А. Ильшенко), 1891 г., № 317.

дилось чувствовать себя впервые. Въ немъ происходила маленькая дрожь и сильное волненіе.

Женскія натуры представляютъ два типа: положительный и отрицательный. Если вы встрѣтите женщину перваго изъ этихъ типовъ и взглянете на выраженіе ея лица, то моментально почувствуете въ себѣ сильный подъемъ духа, какой-то неопредѣленный и непонятный внутренній толчекъ въ сторону нравственнаго совершенства. Это типъ женщины, одаренной силой мысли и чувства, силой духовной красоты. Съ другой стороны,—есть женщины, и ихъ очень не мало, черты лица которыхъ правильны, красивы, манеры изящны, культурная выдержанность въ словахъ и поступкахъ замѣчательная. Но достаточно взглянуть поглубже въ ихъ глаза, чтобы получить совершенно обратное впечатлѣніе: что-то нехорошее, чувственное, безнравственное рисуется въ вашемъ воображеніи. Это типъ отрицательный. Неужели вы, читатель, не замѣчали такого психическаго явленія? Это истина, давно доказанная.

Барвенковъ причислялъ ее къ типу перваго порядка.

И дѣйствительно, его новая знакомка стояла передъ нимъ во весь ростъ, съ свѣжимъ, чистымъ лицомъ, и представлялась высокаю, художественнымъ созданіемъ Творца....

— Я, кажется, помѣшалъ вамъ?... Извините: имени и отчества вашего не знаю.

— Глоріоза Васильевна.

— Неужели есть такое поэтическое имя?

— Да, я именинница 26 Іюля и это какъ разъ завтра. Не хотите-ли: приходите ко мнѣ на именины. Я познакомлю васъ съ моею матушкой.

Иванъ Ѳеодоровичъ Дрябловъ умеръ въ Казани 24 ноября 1774 года и погребенъ, какъ упомянуто выше, въ Кизическомъ монастырѣ, рядомъ съ женою Ѳеодосіей Гавриловной, умершей 1 декабря того же года. Дѣтей послѣ нихъ не осталось, какъ это видно изъ предписанія казанскаго губернатора кн. П. С. Мещерскаго, отъ 26 ноября 1774 года, Казанской губернской канцеляріи слѣдующаго содержанія:

„Дошло мнѣ партикулярно слышать, что голштинской коммерціи совѣтникъ и казанской суконной фабрики содержатель Дрябловъ сего мѣсяца 24 числа умре, да и жена его находится почти при смерти больна, и какъ оный Дрябловъ *бездѣтенъ* и свойственники здѣсь хотя и есть, но нѣтъ-ли еще ближе ихъ—неизвѣстно. На немъ-же, Дрябловѣ, считается, до разсмотрѣнія правительствующаго сената и рѣшенія впредь, по фабрикѣ оной подушныхъ денегъ за многіе годы недоимки немалая сумма, то вслучаѣ иногда и смерти жены его въ предохраненіе отъ могущаго быть изъ имѣнія, толь знатнаго, расхищенія,—казанской губернской канцеляріи предлагаю отправить завтра одного изъ господъ присутствующихъ въ ней, обще казанскаго губернскаго магистрата съ президентомъ, дабы они, по изъявленіи благопріятнымъ образомъ больную вдовѣ оной о кончинѣ мужа ея сожалѣнія, и что правительство, будучи несвѣдомо о ближайшихъ покойнаго мужа и ея наслѣдникахъ, имѣя должное попеченіе о ней, чтобы въ теперешнемъ состояніи въ домѣ ея не могло быть никѣмъ и никакимъ образомъ расхищено чего, опредѣлило предохранить описаніемъ сего въ домѣ, при комъ со стороны ея согласится и повѣритъ, и запечатать вещи и деньги и весь въ томъ надлежащій порядкомъ устроить, и исполня оное и подать ту опись въ канцелярію за подписаніемъ общимъ и таковую-жъ и за подписаніемъ-же общимъ оставили-бы въ домѣ хозяйки или кому велить ее принять, и о всемъ томъ меня увѣдомили, а чтобы президентъ магистрата казанскаго по вышеписанному, обще съ членомъ губернской канцеляріи учинилъ, предложеніе отъ меня магистрату дано-жъ.
Князь Платонъ Мещерскій. Ноября 26 дня 1774 года“.

И. Ѳ. Дрябловъ былъ женатъ на родной сестрѣ балахнинскаго купца и владѣльца мѣдно-плавильныхъ заводовъ на Уралѣ Петра Гавриловича Осокина, лично извѣстнаго Императрицѣ Екатеринѣ II ⁽¹⁾, въ родъ котораго перешла дрябловская суконная фабрика въ Казани съ „историческимъ домомъ“ ⁽²⁾.

¹⁾ „Исторія Россіи“ Соловьева, т. VI, стр. 411 и 412

²⁾ Суконную фабрику и „Дрябловскій домъ“ унаслѣдоваль сынъ упомянутаго П. Г. Осокина—Иванъ Петровичъ Въ „Дрябловскомъ домѣ“ помѣщалось во второй половинѣ

Боже мой! Невозможно передать того, что испытывалъ Василій Венедиктовичъ, услышавши такъ неожиданно эти тихія, теплыя, ласковыя слова, этотъ мелодичный голосъ. Видя спокойный, свѣтлый взглядъ ея, онъ совсѣмъ растерялся.

— Придете? Да?—повторила она тѣмъ-же тихимъ, ровнымъ голосомъ, безъ всякаго признака искусственности.

— Глубоко благодарю васъ, Глоріоза Васильевна. Но меня поражаете вы любовью, не зная хорошенько, что я за человѣкъ...

— И, полноте!—сказала она, протягивая Барвенову руку. Я по глазамъ вижу, что вы добрый человѣкъ. Этого довольно, а церемонія—въ сторону. Въ дачной, деревенской жизни слѣдуетъ вести себя просто, одѣваться просто, обращаться съ людьми просто. Оставимъ разныя свѣтскія установленія городу, который на этомъ помѣшанъ. А мы—по пословицѣ: „Гдѣ просто, тамъ ангеловъ со-сто, а гдѣ мудрено, тамъ нѣтъ ни одного“.

— Можно полюбопытствовать, что вы читаете?—спросилъ Барвенковъ, успокоенный ея мягкимъ, искреннимъ, простымъ обращеніемъ.

— Пожалуста!—сказала она и подала ему книгу.

Это была повѣсть Тургенева: „Наканунъ“.

— Простите за замѣчаніе, Глоріоза Васильевна: вѣдь эта вещь уже устарѣла. Глоріоза Васильевна строго взглянула на него и въ этомъ взглядѣ онъ успѣлъ прочесть многое.

— Впрочемъ, я неудачно выразился....—началъ поправляться Василій Венедиктовичъ. Но она не дала ему кончить...

Дѣятельность перваго городского головы не оставила въ мѣстномъ обществѣ какихъ-либо преданій. Впрочемъ, значеніе этой новоучрежденной должности въ сферѣ городского управленія, а равно и вліяніе первыхъ головъ на общественную жизнь города, едва ли могло въ первое время рѣзко въ чемъ-либо выразиться, когда наряду съ этой должностью функционировала уже окрѣпшая сила президентовъ и бургомистровъ губернскаго и городского магистратовъ.

II.

Владиміръ Тимофеевичъ Поярковъ.

1770, 1771 и 1772 гг. 1).

Еще менѣе мы можемъ что-либо сказать объ общественной дѣятельности втораго городского головы В. Т. Пояркова. Изъ обывательской книги г. Казани XVIII столѣтія можно видѣть только, что онъ былъ происхожденіемъ изъ крестьянъ подгороднаго села Сухой-Рѣки, что ему принадлежали обширные сараи на Арскомъ полѣ для выдѣлки кирпича. Выдѣлываемый кирпичъ Поярковъ, въ товариществѣ съ другимъ казанскимъ купцомъ Яковомъ Леонтьевымъ, поставлялъ въ казну для постройки каменныхъ домовъ на погорѣвшихъ мѣстахъ города, что видно изъ приказа губернатора фонъ-Брандта президенту губернскаго магистрата Чекмареву, сохранившагося въ бумагахъ наслѣдниковъ Чекмарева — Дѣдовыхъ и Горталовыхъ 2).

XVIII столѣтія Дворянское собраніе. Затѣмъ этотъ домъ перешелъ во владѣніе Приказа общественного призрѣнія, а съ 1816 года сталъ собственностью городского общества (См. „Дѣло“ архива городской Думы 1816 г., № 45, листъ 171).

1) О служеніи Пояркова въ должности головы мы не нашли въ городскомъ архивѣ документальныхъ свѣдѣній и принуждены ограничиться лишь извлеченіемъ данныхъ о его главенствѣ изъ частныхъ бумагъ казанскихъ старожиловъ и эпитафіей на полуразрушенномъ могильномъ камнѣ въ Зилантовѣ монастырѣ.

2) По словамъ купца того времени И. А. Сухорукова, владѣльцамъ сожженныхъ въ Пугачевщину домовъ въ Казани выдавали изъ казны строительные матеріалы: кирпичъ, известку, желѣзо для связей, лѣсъ, съ разсрочкою платы на дѣсять лѣтъ (См. „Каз. Губ. Вѣдомости“ 1843 г., № 44, стр. 264).

— Вы выразились прежде всего несправедливо, — произнесла она все тѣмъ-же мелодичнымъ голосомъ, и во взорѣ ея уже не было никакой строгости.

— Знаете-ли, что это за вещь? — продолжала Глоріоза Васильевна, — и она задумалась на минуту. Бареновъ тоже молчалъ, вопросительно устремивъ на нее глаза.

— Я читала эту повѣсть давно. Она тогда мнѣ понравилась, какъ все, выходящее изъ-подъ пера такого писателя, какъ Тургеневъ, но и только. Затѣмъ, благодаря знакомству съ массою литературныхъ произведеній другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ, впечатлѣніе повѣсти „Наканунъ“ изгладилось безъ слѣда. Но теперь мнѣ случайно попалась эта вещь и я снова прочла ее... И то-ли я выростала немного умственнѣе, или болѣе внимательно и вдумчиво стала читать эту повѣсть, но во мнѣ произвела она иное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что я какъ будто просвѣтлѣла. Представьте, къ какому заключенію я пришла... Хотите знать?

Василій Венедиктовичъ поблагодарилъ ее за такое довѣріе. Видимо, ей хотѣлось излить чувства, навѣянные этимъ дѣйствительно незауряднымъ произведеніемъ. Говорила она о повѣсти какъ-то особенно нервно, съ блескомъ въ глазахъ... Бареновъ слушалъ ее умиленно, стараясь не проронить ни одного слова.

Она говорила:

Изъ всего того, что написалъ покойный Иванъ Сергѣевичъ, — самое высокое мѣсто занимаетъ его повѣсть „Наканунъ“. Конечно, — прибавила она, — это мое личное мнѣніе, но я основываю его на такихъ данныхъ, которые мнѣ ясны, а другими, очевидно, пройдены мимо. Впрочемъ, всякій воленъ представлять къ читаемому свои индивидуальныя нравственныя требованія, и часто искать въ немъ то, чего жаждетъ душа. Я буду говорить о моихъ собственныхъ ощущеніяхъ... Всякій

ярково, въ компаніи съ этимъ Чекмаревымъ, занимался поставкою въ военное вѣдомство провіанта, какъ это видно изъ представленнаго имъ въ 1758 году въ Казанскую губернскую канцелярію обязательства.

В. Т. Поярковъ имѣлъ каменный домъ, съ двумя деревянными флигелями, на Проломной улицѣ, въ приходѣ Николы-Вешнякова, какъ это значится въ вышеупомянутой „Обывательской книгѣ“, и восемь лавокъ въ сапожномъ и мелочномъ рядахъ на Петропавловскомъ бугоркѣ (на мѣстѣ нынѣшняго каменнаго корпуса съ москательными лавками). Все имущество послѣ Пояркова перешло сначала къ единственному сыну его Федору Владиміровичу, а послѣ смерти сего послѣдняго—сестрѣ его Аннѣ Владиміровнѣ, бывшей въ замужествѣ за ратманомъ казанскаго магистрата Иваномъ Алексѣевичемъ Ковалевымъ.

У Владиміра Тимофеевича Пояркова были крѣпостные люди, купленные на чужое имя и составлявшіе его дворню. Между прочимъ, на обязанности этихъ людей тяжело вытаскиваніе въ шею, по приказанію ихъ господина и городского головы, разныхъ просителей и, нерѣдко, съ выдергиваніемъ боротъ, какъ это явствуетъ изъ имѣющей-ся у насъ челобитной одного изъ потерпѣвшихъ, принесенной на Пояркова и его людей казанскому губернатору, генералъ-аншефу Якову Ларионовичу фонъ-Брандту.

III.

Петръ Григорьевичъ Каменевъ.

1773, 1774 и 1775 гг.

Занимавшій въ это трехлѣтіе должность казанскаго городского головы, купецъ П. Г. Каменевъ, состоялъ передъ этимъ бургомистромъ городского магистрата. Объ этомъ Каменевѣ уже была наша рѣчь въ печати, въ очеркѣ жизни сына его, Гаврилы Петровича, извѣстнаго въ свое время поэта, автора баллады „Громвалтъ“ (1).

1). См. наши статьи: № 69 „Казанскаго Биржеваго Листка“ отъ 28 марта 1889 г. и №№ 342 и 343 „Казанскаго Телеграфа“ 1894 года.

ли, напимѣръ, обратилъ вниманіе на то, что кроется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, словахъ и мысляхъ этой чудной повѣсти?

Она вдругъ остановилась и, опустивъ слегка голову, о чемъ-то задумалась.

— Вы придете завтра?—спросила Глоріоза Васильевна Барвенова, привѣтливо взглянувъ на него...

— Не скрою: это большое для меня счастье,—уважаемая Глоріоза Васильевна.

— Ну, тогда и поговоримъ. А теперь пока прощайте: мнѣ пора!

Василій Венедиктовичъ смотрѣлъ ей вѣдѣ до тѣхъ поръ, пока она не скрылась подъ горою, спускаясь медленно по узкой, извилистой тропинкѣ, которую онъ съ этого времени сталъ называть „тропою Глоріозы“.

Проводивъ ее глазами, онъ долго стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ провелъ нѣсколько сладостныхъ минутъ въ разговорѣ съ Глоріозой. Онъ былъ полонъ глубокыхъ, пріятныхъ думъ. Затѣмъ онъ сѣлъ, гдѣ сидѣла она, и старался запомнить это мѣсто,—мѣсто первой бесѣды съ нею.

На слѣдующій день Барвеновъ отправился къ дорогой для него именинницѣ.

Онъ засталъ все общество въ саду, за чайнымъ столикомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ и красовалось блюдо съ ягодами. Садъ былъ небольшой, какъ и всѣ условскіе сады, но густой, съ десяткомъ яблонь и нѣсколькими кустами малины и вишни.

Глоріоза представила его своей матери, Еленѣ Алексѣевнѣ Елагинной, еще старой женщинѣ, съ открытымъ, весело смотрящимъ лицомъ. За столомъ сидѣли еще двѣ молодыя дамы, изъ которыхъ одна здѣшняя дачница, пераѣ въстрѣчавъ

Отец Каменева-головы, Григорій Кузьмичъ, былъ, какъ это видно изъ помѣщенной въ этой-же книжкѣ родословной Каменевыхъ,—выходецъ изъ Свіязска, гдѣ и теперь имѣются его родичи. Петръ Григорьевичъ родился 28 августа 1740 г., умеръ въ званіи президента казанскаго губернскаго магистрата 12 октября 1776 года. Прахъ его похороненъ на кладбищѣ Кизическаго монастыря (въ 2 верстахъ отъ Казани), рядомъ съ могилою сына-поэта, умершаго въ 1801 году (1). Онъ былъ женатъ на Татьянѣ Ивановнѣ Крохиной, дочери казанскаго купца-старообрядца Ивана Васильевича Крохина, въ домѣ котораго, на Георгіевской улицѣ, принадлежавшемъ нынѣ купцу А. О. Тихомирнову, была устроена въ XVIII столѣтіи тайная молеельня (?). Татьяна Ивановна Каменева умерла 1779 году, 36 лѣтъ, и погребена на старообрядческомъ кладбищѣ Арскаго поля, подлѣ могилы отца (въ оградѣ купца Андрея Петровича Сапугольцева). Надписи на могильныхъ камняхъ сохранились (?).

Голова, а потомъ президентъ губернскаго магистрата, Петръ Григорьевичъ Каменевъ пользовался въ Казани большимъ почетомъ. Онъ, еще будучи бургомистромъ магистрата, получилъ изъ рукъ Императрицы Екатерины II шпагу. Казанскій писатель сороковыхъ годовъ Н. И. Второвъ говоритъ:

„Императрица Екатерина II, проѣзжая черезъ Казань въ 1767 году, обратила на Петра Григорьевича особенное вниманіе и умѣла отличить его между многими. Въ то время онъ былъ бургомистромъ въ магистратѣ. Рассказываютъ, что когда Императрица отъѣзжала изъ Казани, то, садясь въ

1) Вотъ что изображено на чугунной плитѣ его могилы: „Здѣсь погребенъ губернскаго округа президентъ, 1 гильдій купецъ, Петръ Григорьевичъ Каменевъ, скончавшійся въ 1776 году, 12 октября, житія его было 36 лѣтъ и 14 дней. Погребенъ митрополитомъ Веняминомъ казанскимъ и свіязскимъ“.

2) Упомянутый нами купецъ Сухоруковъ, современникъ Крохина, говоритъ, что Крохинъ былъ у Пугачева первымъ вельможей, и Пугачевъ ходилъ къ нему въ молеельню и баню. За домомъ Крохина, на горѣ, было жилище съ пещерою, въ которой укрывался Пугачевъ, послѣ бѣгства его изъ казанскаго острога. (См. № 44 „Каз. Губ. Вѣдомостей“, 1843 г., стр. 263).

3). Писано въ 1889 году.

шавшая Барвенкову на паровой конторкѣ перевоза, а другая была прибывшая изъ Казани гостья, жена профессора, недавно вернувшаяся съ нею изъ-за границы.

Познакомивъ Василія Венедиктовича съ прочими гостями, Глоріоза усадила его за столъ, въ свою компанію, и дамы возобновили прерванный разговоръ, который касался нѣкоторыхъ сторонъ религіи. Разговаривающія, повидимому, не стѣснялись появленіемъ между ними новаго собесѣдника и горячо обсуждали какой-то вопросъ, первоначальную постановку котораго Барвенковъ не засталъ.

Вскорѣ, однакоже, дѣло объяснилось. Рѣчь шла о „Наканунѣ“ Тургенева. Но причѣмъ тутъ, думалось Василію Венедиктовичу, религія и какъ могъ попасть сюда евангельскій элементъ, продолжать недоумѣвать онъ, слыша, какъ говорящія дамы ссылались на „Новый Заветъ“ и цитировали нѣкоторые мѣста изъ него.

Недоумѣніе Василія Венедиктовича не скрылось отъ взора Глоріозы Васильевны. Она повернула къ нему лицо и съ едва замѣтной улыбкой спросила:

— Вамъ, вѣроятно, немного странно слышать нашъ разговоръ. Не правда-ли?
— Нисколько не странно, а, говоря откровенно,—даже оградно. Къ сожалѣнію, я не засталъ начала,

— Погодите; кончивъ чай, мы перейдемъ все вонъ въ ту бесѣдку и посвятимъ васъ въ нашъ трактатъ. Вы не будете тутъ лишній.

И дѣйствительно, собесѣдницы отложили дальнѣйшій разговоръ на затронутую тему и предались сообщать другъ другу, въ шутивомъ тонѣ, газетныя новости.

Наконецъ перебрались въ бесѣдку.

Долго все молчали. Барвенковъ первый нарушилъ безмолвіе.

лодку и не видя Каменева посреди окружающих ее, спросила: „А что, неужели Каменевъ меня не проводить?“ Петръ Григорьевичъ, однакожъ, собирався проводить Императрицу до Симбирска и въ это время хлопоталъ на другой лодкѣ. Когда онъ, по призыву Императрицы, явился къ ней, она вынула шпагу изъ портупеи одного изъ стоявшихъ близъ нея придворныхъ и вручила ее Каменеву“. (См. Сборникъ *гр. Соллогуба*: „Вчера и Сегодня“. Спб. 1846 г., часть 1-я, стр. 33).

П. Г. Каменевъ имѣлъ въ Казани два каменные дома и одинъ деревянный, которые по документамъ думскаго архива значатся такъ: „Дома каменные въ приходѣ покровскомъ, построенные на отведенныхъ по плану мѣстахъ. Первый большой домъ, семикорпусный, подлѣ Чернаго озера и на другую улицу, Покровскую, состоящій подъ № 543, изъ которыхъ одинъ корпусъ занятъ подъ Управу благочинія ¹⁾. Второй домъ по Воскресенской улицѣ, построенный по плану, подъ № 531, на отведенномъ мѣстѣ. Третій домъ, деревянный, въ приходѣ Тихвинскомъ, въ 4 части, стараго строенія, съ усадьбнымъ мѣстомъ, подъ № 1113“. Кромѣ означенныхъ домовъ, ему принадлежали въ разныхъ торговыхъ рядахъ 19 лавокъ и 4 каменныхъ амбара на берегу Булака (подъ крѣпостью). Торговать Каменевъ, какъ сказано въ его формулярѣ, разными „россійскими и нѣмецкими шелковыми и сукопными товарами, а также доставляемой изъ Астрахани рыбой и икрой“.

На похоронахъ П. Г. Каменева присутствовала вся городская знать. Процессія, провожавшая гробъ, и духовенство съ казанскимъ митрополитомъ Веніаминномъ, длинною лентою тянулася отъ города по дугамъ, за Казанкой, въ Кизическій монастырь. Покойный оставилъ, кромѣ сына-поэта, двухъ дочерей. Изъ нихъ Пелагея Петровна была въ замужествѣ за совѣтникомъ казанской гражданской палаты Гаврииломъ Ивановичемъ Дѣдовымъ, а Анна Петровна за казанскимъ городничимъ Андреемъ Ивановичемъ Апехтиннымъ. Отъ этого брака у Анны Петровны Апехтиной родилась дочь Александра Андреевна, известная впослѣдствіи казанская писательница, бывшая за мужемъ

¹⁾ Эти корпуса каменевского дома представляютъ въ настоящее время зданія штаба Казанскаго военнаго округа и сквозной съ нимъ дворъ съ зданіемъ интендантства.

— Глоріоза Васильевна!—начать онъ. Повѣсть, о которой шелъ разговоръ за чаемъ, я перечиталъ внимательно, нашелъ въ ней вѣсколько замѣчательныхъ типовъ и характеровъ: но, признаюсь: ничего религіознаго въ ней не вижу. Да и вообще Тургеневъ неособенно склоненъ, кажется, впадать въ серьезнымъ образомъ въ эту сферу, если не считать духовно-болѣзненной Лизы въ его „Дворянскомъ Гнѣздѣ“.

Глоріоза ничего не отвѣтила на замѣчаніе Барвенкова. Въмѣсто отвѣта она достала недалеко лежавшую книгу, изъ которой вынула мелко написанный листокъ почтовой бумаги и стала читать восторженно и внятно:

„Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, какъ великій художникъ, далъ, самъ того не подозрѣвая, замѣчательный символическій образчикъ духовнаго перерожденія чело-вѣка. Описывая въ „Наканунѣ“ сцену въ заброшенной лѣсной часовнѣ, онъ какъ будто переноситъ читателя въ далекую эпоху первыхъ вѣковъ христіанства. Въ самомъ дѣлѣ: если мы діалогъ, имѣвшій мѣсто въ часовнѣ, приложимъ, съ небольшо-мъ измѣненіемъ, къ акту вступленія въ христіанство, то получится слѣдующее: Христосъ говоритъ ищущему и жаждущему истины чело-вѣку, который нашелъ на-конецъ, послѣ долгихъ поисковъ и душевныхъ мукъ, эту истину:—„Такъ ты пой-дешь за Мною всюду?“ (Матѣ. XVI, 24).

— „Всюду, на край земли. Гдѣ Ты будешь, тамъ и я буду“.

— „И ты себя не обманываешь? Ты знаешь, что родители твои никогда не согласятся на твой переходъ“.

— „Я себя не обманываю; я это знаю“.

— „Ты знаешь, что Ябѣденъ, почти ничій... (Матѣ. VIII, 20).“

— „Знаю“.

за не менѣ извѣстнымъ въ Казани докторомъ и профессоромъ Карломъ Федоровичемъ Фуксомъ.

По смерти П. Г. Каменева торговлю продолжалъ сынъ его Гаврила Петровичъ, подъ руководствомъ опекуновъ: Асафа Семеновича Иноземцева и Александра Алексѣевича Чекмарева. Прикащикомъ быть купецъ В. И. Локотковъ.

ИѴ.

Афанасій Борисовичъ Аникіевъ.

Два трехлѣтія: 1776—1781 гг.

Казанскій первой гильдіи купецъ А. Б. Аникіевъ, избранный городскимъ головою послѣ Каменева, былъ въ свое время тоже именитый гражданинъ Казани. Онъ родился въ 1722 году, но откуда рокомъ—неизвѣстно. Производилъ обширную торговлю хлѣбомъ, имѣлъ въ городѣ три дома и четвертый загородный. Изъ домовъ два каменные, по городской подворной росписи 1787 года значащіеся подъ №№ 797 и 799, въ приходѣ церкви Богоявленія Господня (на мѣстѣ нынѣшняго мясного базара ¹⁾), стараго строенія, выстроенные не по плану, въ давнія времена, еще до большаго казанскаго пожара, бывшаго въ 1684 году, отъ котораго оба сохранились. Третій домъ, подъ № 804, деревянный, ветхій, на правомъ берегу Булака, въ томъ-же богоявленскомъ приходѣ (на мѣстѣ нынѣшнихъ торговыхъ бань), безъ службъ, но съ каменными выходами. Четвертый домъ, загородный, подъ № 1954, съ большимъ садомъ, но съ ветхимъ хоромнымъ строеніемъ, на Арскомъ полѣ, рядомъ съ Нефловскою рощею ²⁾. Кромѣ домовъ, Аникіевъ

¹⁾ Мясной торгъ въ XVIII столѣтіи до первой четверти XIX-го находился при входѣ въ теперешній Собачій переулочъ, который представлялъ собою въ то время оврагъ, обитаемый одними собаками, питавшимися отбросами съ мясныхъ ларей. Отсюда и название переулка: „Собачій“.

²⁾ Нефловская роща, и при ней домъ секундъ-маіора Якова Васильевича Нефлова, находились на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь дача купчихи Новиковой. Загородный домъ А. Б. Аникіева былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ наше время находится деревянный домъ духовенства варваринской церкви, и стараго каменнаго моста, развалины котораго разобраны въ 1892

— „Что Миѣ не суждено жить въ одномъ мѣстѣ и что тебѣ придется разорвать всѣ твои связи съ отечествомъ, съ родными.

— „Знаю, знаю.

— „Ты знаешь также, что Я посвятилъ себя дѣлу трудному, что Миѣ... что намъ придется подвергаться не однимъ опасностямъ, но и лишениямъ, униженію (Луки VI, 22: Мф. XXIV, 9).

— „Знаю, все знаю... Я Тебя люблю!

— „Что ты долженъ будешь отстать отъ всѣхъ своихъ привычекъ, что тамъ, можешь быть, ты принужденъ будешь работать, оставшись въ мірѣ одинокимъ среди чужихъ.

— „Я люблю Тебя, мой Милый“!..

Кончивши чтеніе, Глоріоза остановила свой взглядъ на Барвеновѣ, ожидая возраженія. Прочія собесѣдницы, повидимому, были уже знакомы съ приведенной Глоріозою параллелью.

Василій Венедиктовичъ недолго думалъ надъ этимъ образнымъ сравненіемъ и отвѣтъ, что съ нимъ нельзя не согласиться всякому, кто умѣетъ понимать Христову истину и постигать ея неисчислимыя внутреннія красоты.

— Я долженъ сказать вамъ, глубокоуважаемая Глоріоза Васильевна, что когда вы читали эти немногія, но сильныя строки, я чувствовалъ нервную дрожь въ своемъ организмѣ.

— Въ реландъ къ прочитанному вами.—сказала дачница-гостья, Марія Ивановна Венелина,—позвольте указать на другой образный примѣръ, сдѣланный Гоголемъ въ томъ-же духѣ, только съ перенесеніемъ вопроса къ другому фазису. При-